

УДК 34 (09)

Н. И. Красняков

Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия

E-mail: kofe51@yandex.ru

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ ПОНИМАНИИ

Отмечаются специфичность идентификации имперского строя и его слабая научно-методологическая проработанность в западноевропейском восприятии. Подчеркивается бюрократическая природа императорской власти, которая с течением времени переставала быть идентичной интересам объединенных социумов. При этом в классической империи формируется четкая иерархическая структура с империиобразующим народом. Формируется мнение, что императорская Россия в государственном развитии подвергалась влиянию и некоторых иных начал, однако источником подлинного имперского типа государственности остается многоукладность.

Ключевые слова: империя, методология, государственность, бюрократическая природа, многоукладность, иерархическая структура.

Расширение мировоззренческих горизонтов в историко-юридической науке на рубеже XX–XXI вв. функциональным образом отразилось и на исследовании прежде во многом идеологизированной имперской парадигмы в позитивации общественных институтов, в частности, относительно интеграции наций-этнотерриторий, инкорпорации местных правовых систем в единое имперское право и преодоления обычно-правового партикуляризма, встраивания административного строя периферии в унифицированную систему правительственных учреждений, взаимообусловленности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения – власти окраин и центра. Хотя в истории функционировали многие рассматриваемые преимущественно в границах националистического дискурса империи [1. С. 25], но приходится констатировать, что по-прежнему имперская проблематика остается нераскрытой в историко-правовой науке, и по ней отсутствуют «сколько-нибудь заметные сравнительно-

исторические работы» [2. С. 124], а опыт осуществленных исследований показал необходимость дальнейшего поиска ее дефиниций [3. С. 11].

Как известно, классическая – Римская империя, характеризуемая политико-правовой формулой «право Рима и право народов», хотя в последнее столетие своего существования и переживала упадок государственности, тем не менее обеспечивала общественный порядок, развитие культуры, безопасность от вооруженных нападений, в общем, несла элемент цивилизации в различных сферах общественной жизни присоединенным территориям и населению. Византия, которую называют вторым Римом, функционировала как консолидирующее народы государство в течение 1100 лет: с 330 г. н. э. до 1453 г., когда ее захватили турки-мусульмане, чья в свою очередь уже Османская империя просуществовала до 1918 г. Китайская имперская держава сохраняла свою жизнеспособность дольше всех других империй – два тысячелетия, окончив бытие также в XX в., т. е. совсем недавно. Следовательно, импер-

ская модель организации государства не только имеет продолжительную ретроспективу, но и с позиции объема накопленного материала и доступности исследования ее основных компонентов (населяющих их народов и государственно-административно-территориальную эволюцию) является поддающимся достаточному историко-правовому исследованию предметом.

Приложение какой-либо модели организации власти как матрицы к перечисленным имперским политико-правовым пространствам не удавалось ни древним мыслителям, ни ученым-современникам, однако в ходе типизации научного аппарата по отраслям знания путем разделения смысловых субстанций постепенно пришло осознание комплексности и междисциплинарности социальной категории «империя». Как мы уже уяснили, данное понятие имеет сложное определение, что обусловлено прошлой и настоящей многозначностью и широтой его практического использования в различных науках о человеке: истории, философии, социологии, политологии, историко-теоретических юридических исследованиях; да и, кроме того, оно несет на себе оттенки нарастающей борьбы идеологий во взаимодействующем и быстроменяющемся глобальном мире. На этом фоне, как отмечает Дж. Комарофф, часто обсуждаемыми являются: ускоряющиеся процессы глобализации, сопровождающиеся резким ростом транснациональных институтов; ослабление национального государства; кризис способов отображения в общественных и гуманитарных науках» [4. С. 45], что еще более усиливает потребность обратиться к исследованию имперских политико-юридических институтов как к одному из инструментов сосуществования наций.

Специфичность имперского строя и его постоянная слабая научно-методологическая проработанность, применительно к Российской империи, выразились в том, что отдельные исследователи на основе анализа-сопоставления противоречивых друг другу мнений Кавелина и Самарина приходили к выводу о необходимости обозначать «новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – самодержавной республики» [5. С. 353]. В некоторой степени, такое убеждение небезосновательно в рассуждениях относительно легитимации

имперской власти в Риме, тем более, что синкретический подход к пониманию власти сохранялся до Нового времени. Как отмечает известный государствовед В. Е. Чиркин, лишь с европейских писателей-утопистов начинает разделяться власть сверхъестественных сил, природных факторов, людей-героев и общественная власть [6. С. 39], т. е. за этим рубежом трансформируются подход и содержание в имперской государственности, приобретает ее западноевропейское восприятие.

Однако в классической Римской империи «по мере утраты единого национального мировоззрения (римская нация по мере завоеваний становилась существенно неоднородной) народная делегация императорской власти становилась все более фиктивной и сознание ее исчезало у самого народа. Император в глазах народа имел уже власть не потому, что был избран или одобрен народом или Сенатом, а потому, что власть находится в его руках. Власть императора таким образом становилась самородной и самовозникающей, а потому верховной и абсолютной, но вместе с тем и решительно ничем не осмысленной, а, как показывает история народов, «недолговечность всех государств самовластительского типа известна». Следовательно, императорская власть становилась все более нефункциональной, так как, «будучи связана только с управительными учреждениями и не находясь в непосредственной связи с нацией», она теряла возможность исполнения своих важнейших функций: наблюдения, контроля и общего направления дел с национальной точки зрения» [7. С. 376]. Императорская власть погружалась бюрократией исключительно в дела управления, превращаясь в институт того же порядка, в простой центральный орган бюрократических учреждений. Воля монарха с течением времени переставала быть идентичной интересам различных социумов этого большого политико-территориального образования. В целях удобства управления огромными территориальными пределами бюрократия нивелировала самобытность этносов, консолидируя лишь общегосударственные дела, проявляя свою приспособляемость и способствуя сначала потере связей согласования – координации, а в дальнейшем и господства – подчинения субъектов социума в механизме государства. В итоге без этой

опоры объединенное империей общество переставало существовать, государство вступало в полосу кризиса, слома социально-политических конструкций. Устойчивость обозначенных связей определялась жизнеспособностью обычных общественных институтов и традиционностью духовной сферы общества, следовательно, восточные империи оказывались долговечнее по причине именно этого тормозящего фактора развития имперской государственности. Принципиально такое убеждение соответствует и мнению Л. А. Тихомирова: «Государство в существе своем состоит из Верховной власти и нации. Строй управительный – административный – есть лишь служебный и подчиненный» [7. С. 380].

Идея империи, как уже отмечено выше, это европейская идея, означающая общественно-политическое структурное образование, предназначенное для введения в подзаконное пространство разноплеменных и многоконфессиональных народов, и потому именно в Римской империи возникла идея закона, которой император следует так же, как и его подданные. В совокупности с этим суждением, следуя цивилизационному и формационному подходам к государственности, четко видим, что длительно функционирующая империя – результат постепенного преобразования восточной деспотии, старых азиатских систем новым юридическим бытом, но тогда возможен в принципе и обратный процесс. Добавим, что история знает разные типы отношений между империями и входящими в них этническими общностями. Были империи, навязывающие своим подданным культуру носителей власти; в других – победители принимали культуру побежденных; функционировали империи, старавшиеся из уважения к чужим обычаям не посягать даже на откровенно варварские местные пережитки, но неизменным в таком политико-территориальном устройстве оставалось одно: сосуществование представителей многих этносов в единой системе власти и закона.

В классической империи полиэтническое общество имеет четкую иерархическую структуру, на вершине которой находится только один, империообразующий народ – персы, римляне, русские, англичане, турки-османы и т. д. Именно в руках этого этноса находится власть, нераздельный *imperium*, который по римской традиции вступал в

полную силу лишь за пределами города – гражданской общины, которой вплоть до позднего периода римской истории приписывался верховный суверенитет. По большому счету, говоря «Римская империя», подразумевали «Власть Рима», т. е. общины римских граждан, а не какую-то абстрактную империю. Другими словами, то, что необходимым условием появления империи является существование привилегированного и достаточно обширного сообщества (не элиты, а именно сообщества) – этноса (возможно, нации – подход дискусионен), конфессии, гражданской общины, в руках которой находится «империум», или власть, – подобной же логики придерживается и современный исследователь В. К. Кантор [8].

Значение необходимости однозначного уяснения категории «нация» в становлении имперских компонентов государственности особенно осознается на рубеже XX–XXI вв. вследствие набирающих силу процессов глобализации и возрастающих столкновений в ее пределах государственно-правовых, культурно-религиозных, языковых интересов составляющих ее социальных субъектов. Но следует понимать неоднозначность объединительных явлений – для империй почти всегда от центра к периферии существует интеграционный спад, с которым связаны и неравные возможности исполнения правовых обязанностей и влияния на политику центра. Несомненно, существует имперская динамика распространения собственной сферы имперской власти от центра к периферии, однако наряду с этим существует движение, идущее от периферии, которое как раз управляет расширением сферы господства, причем какое движение оказывается более мощным, может решаться только от случая к случаю. Условиями влияния в данном процессе оказываются геополитические и геоэкономические, но при этом решающую роль эволюции империи могут играть незаметные факторы военного превосходства [9. С. 90–95].

Если рассуждать на этом фоне о роли национально-этнического компонента империи, исходным моментом выступает мультиэтнический, многонациональный характер империй, но значимость этой характеристики вообще-то проблематична, поскольку она тривиальна – обширные державы неизбежно охватывают многие этнические и соответственно национальные общества. И, кроме

того, внутри империи существует множество политических различий, которые зависят от различий этнических и национальных, от того, поддерживаются ли они центром или подавляются, – и этими инструментами в конечном счете распоряжается имперский центр по принципу «разделяй и властвуй». Как видим, не очевидна связь динамического построения имперской системы в контексте формирования национальной идентификации социализирующегося этноса, т. е. своеобразии соотношения элементов многофакторной конструкции социально-политической системы территории – населения служит основой перераспределения сил в становлении империи – либо усилиями центра, либо отказом окраин от своей самобытности и влияния на общеимперские власть – закон и постепенное их инкорпорирование в единый механизм мегагосударства.

В этой связи ценным выступает утверждение видного русского правоведа И. Андреевского о том, что российское государство представляется отличным от западноевропейских политических сообществ. Он подчеркивает, что русский народ образовался из соединения славянских, финских и латышских племен и в своем государственном развитии подвергался влиянию совершенно других начал, не тех, из которых создавались западноевропейские государства, – «не на развалинах римского мира, и римские начала потому не имели на русскую жизнь прямого и непосредственного влияния» [10. С. 37]. По его мнению, в формирующейся Российской империи новые государственные формы и юридические начала, заимствуемые из развившихся совершенно иначе государств Западной Европы, не прилагаются к действительности, остаются формальными, делаются правом и государством началом только для некоторых классов населения, а общество продолжает жить как прежде, по народному праву. Соответственно, при характеристике интеграционных явлений и типов союзных государств – Staatenbund (Германский союз) и Bundesstaat (Североамериканские штаты и Швейцария), – ученый вовсе не выделяет «империю». Но при этом он и не относит к названным типам Российскую империю, поскольку в ней по-своему решаются вопросы «гражданской свободы, общественной нравственности и человеческого развития» [10. С. 41]. Итак, из синтеза вышесказанного возникает со-

мнение относительно предопределенности динамики имперского государства, во-первых, национальным контекстом общественного развития, во-вторых, проявившимися имперскими схемами Древнего Рима или средневековой Европы, в-третьих, силой лишь имперского центра.

Ввиду сложившегося взгляда на категориальный аппарат инкорпорации новых пространств и населения, рассмотрим сущность нации как социальной общности и структуры. Как известно, существуют разные понятия нации, одно из них – nation state (государство-нация), другое – этническое. В современном понимании, нация – это совокупность граждан, которые вне зависимости от своей религиозной, этнической или расовой принадлежности обладают равными политическими, гражданскими, экономическими и социальными правами и избирают свое правительство. Выходит, нация – это не всегда этап в развитии этноса, тем более, что в мире не существует принципиально моноэтнических государств. Неоднозначен и ответ на вопрос, существуют ли в империи нации и складывается ли единая нация, например, российская. Думается, новаций здесь быть не может – отдельная российская нация не формируется в империи, так как разные этнические и религиозные группы обладали различным объемом прав и обязанностей.

Следуя далее в этом направлении, уточним практическое значение связи понятий «нация» и «народ». Прикладной характер в данном случае носят суждения современного теоретика с большим опытом государственной службы В. А. Тишкова, который предлагает исходить из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и общественно-политической практике категорий. Народ и нация чаще всего рассматриваются как синонимы, при этом «народ» как согражданство, население страны имеет обыденный смысл. Импонирует убежденность ученого, что понятие «нация» носит более строгий и более политический характер, нагружено символическим и эмоциональными смыслами, но, по сути, подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества. Уточним, что связь понятий «нация» и «государство» отражена в ложной категории «нация-государство», хотя это общепризнанное обозначение всех суверенных государств

мира, входящих в ООН. Категория же «народность» будет соответствовать более естественно сложившейся общности «этнос», и в отношении нее можно в перспективе предусматривать формирование национальной идентичности. И тем не менее последнее событие имеет место быть лишь в определенных условиях, и потому согласимся с В. А. Тишковым, что нации возникают не в тот момент, когда сформируется некая социально-культурная и языковая гомогенность, – нация есть продукт идеологии национализма, причем идея должна распространиться на массовом уровне, – такой подход является господствующим в мировой науке [11. С. 558]. По замечанию Э. Хобсбаума, «слово *nation* до 1884 г. обозначало попросту “совокупность жителей страны, провинции или королевства”, а также “иностранца”, применительно же вообще к властотношениям нации и государства элемент общей верховной государственной власти выступает ключевым [12. С. 26].

Итак, соотношение империи и мононационального государства будет различным, в частности, имперское общество может не являться обществом многонациональным, а многонациональное общество может не быть имперским. Такой подход и получил распространение в науке: империя представляет собой систему дифференцированного управления другими образованиями, а национальное государство, по крайней мере в теории, предполагает одинаковое обращение со всеми составляющими нации. Отношения граждан нации, равных перед законом, со своим государством отличаются от отношений между империей и ее подданными [13. С. 39]. Империя может и должна охватывать множество несхожих между собой традиций и жизненных укладов, при этом она не столько приводит их к среднему уровню, сколько создает разнообразные механизмы управления и адаптации к местным традициям. Если в одном отношении главенствует необходимая унификация, то во многих других должна присутствовать сложность. Как подчеркивается в зарубежных исследованиях, все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям, и часть правящих элит, и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты в господствующую культуру [14. С. 45].

Об имперской схеме управления национально-этническим сообществом следует рассуждать тогда и только тогда, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических систем, образов жизни, традиций права, религиозных конфессий и т. д. Другими словами, империя – это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разноуровневых традиций и жизненных укладов, на которые, без их разрушения, не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Сам механизм имперской интеграции может быть очень разным – от постепенной унификации, хотя бы в основных установлениях (как в римской и французской имперских практиках), до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций (как в эллинистическом и британском вариантах).

Отмечая различность подходов к определению категории «нация», подчеркнем для обособления идеи, что источником подлинного имперского типа государственности выступает именно многоукладность, причем не отрицается и многонациональность. В этом случае можно сказать, что нация сформирована социальной историей, а этнос органичен, и, следовательно, общее территориально-законодательное устройство этносов – это империя. И потому можно утверждать, что империя создает правовое пространство, устанавливая общую, наднациональную цель и предлагая общее, наднациональное асимметричное, с несколькими «вертикалями власти» политическое бытие для всех народов, если не сводить империю к деспотии. При этом стремление консолидировать основную нацию, в том числе очертив границы «национальной территории» внутри империи, совсем не обязательно предполагает стремление «распустить» империю. Более того, в имперском политико-правовом пространстве формируется и утверждается проект нации-государства с его культурно-языковой гомогенизацией населения, поскольку общеимперские успехи помогали строительству нации в имперском ядре. По убеждению А. И. Миллера, не столько сложившиеся нации-государства имперского ядра создавали империю, сколько империи создавали в своем ядре нации-государства [15. С. 334].

В итоге констатируем, что империя создается соотношением между традициями и ценностями входящих в нее исторических – территориальных, этнических и т. п. – групп и той общей системой политических и правовых норм, в которую интегрируются эти группы, лишаясь суверенности. Причем сама научная категория «империя» указывает, что в основе интеграции лежит подчинение групп единой власти бюрократической иерархической системы, от которой исходят указанные нормы-правила.

Список литературы

1. Семенов А. Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 22–45.
2. Лаптева Л. Е. [Рец.] Н. И. Красняков. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в. Закрепление автономистской традиции в российской государственности // Государство и право. 2010. № 10. С. 124–126.
3. Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 10–14.
4. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994. С. 34–56.
5. Пивоваров Ю. С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы / Под ред. Ю. С. Оганисяна. М., 2007. С. 345–356.
6. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. М., 2001. 320 с.
7. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998 (издана впервые в 1905 г.). 672 с.
8. Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: к проблеме имперского сознания в России. М., 2008. 542 с.
9. Мюнклер Г. Империи. Логика мирового господства – от Древнего Рима до Соединенных Штатов // Прогнозис. 2006. № 1 (5). С. 90–95.
10. Андреевский И. Русское государственное право. СПб., 1866. 508 с.
11. Тишков В. А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. С. 558–582.
12. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб., 1998. 306 с.
13. Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. С. 32–57.
14. Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 41–63.
15. Миллер А. И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. С. 332–361.

Материал поступил в редколлегию 10.12.2013

N. I. Krasnyakov

SUPRANATIONAL IDEA OF IMPERIAL STATEHOOD IN HISTORICAL AND LEGAL UNDERSTANDING

This paper examines peculiarity of imperial system and its weak scientific and methodological research in West European perception. The bureaucratic nature of the imperial power which stopped being eventually identical to the interests of integrated societies is emphasized. Thus the accurate hierarchical structure with the people developing empire is formed in the classical empire. The opinion is formed that imperial Russia in the state development was exposed to the influence of some other factors, however the source of original imperial type of statehood remains multistructurality.

Keywords: empire, methodology, statehood, bureaucratic nature, multistructurality, hierarchical structure.